

ЭМФАТИЗАЦИЯ МАРГИНАЛЬНЫХ ОБЕРТОНОВ СМЫСЛА В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ПОВЕСТВОВАНИИ

В настоящей статье анализируются базовые приемы эмфатизации маргинальных обертонов смысловой иерархии, образующихся на основе периферийных компонентов социокультурного концептуально-валерного пространства в рамках гротескных форм вербализации. Гротескная актуализация рассматривается как эффективная тактика психо-эмотивной интеллективной реализации абсурдного ценностного и нормативного пространства. Автор обосновывает насущную необходимость герменевтического, социокультурного, исторического и ноэматического анализа в процессе выявления и описания сущностных и феноменологических компонентов ценностно-ориентационного пространства в представлении в предельно рефлексивных текстах тюремной прозы. Данные процессы понимаются как специфические схемы по маркированию controversial переживаний, отличных от традиционных, стереотипных, «правилосообразных» моделей экспликации индивидуальной концептуально-валерной системы. Проанализированы взгляды на способы маркирования креативного и альтернативного в виртуальном-социо-культурном пространстве в гротескных формах экспликации ментальных образов в современной тюремной литературе. Специфика маргинальных пред-

ставлений о переживаниях анализируется в зависимости от особенностей самих нравственно-ценностных ориентиров конкретного субсообщества. Автор отмечает внутреннюю амбивалентность личностных представлений, и их обусловленность комплексностью социально-культурных и индивидуально-субкультурных отношений. В статье подчеркивается важность преувеличения, гиперболизированной экспликации категориальных характеристик описываемого объекта, явления, феномена как неотъемлемого условия адекватной реализации перлокутивного эффекта при гротескной форме описания. В аспекте представления маргинального компонента как периферийной области лингвокультурной концептуально-валерной системы эстетическая стереотипизация гротескных (соматических и сенсорных) форм маркирования авторских ментальных конструкций приемы гиперболизации, пародии, иносказания активизируют при осознанном восприятии (активном прочтении) формирование особых моделей мышления в целом и трансформируют концептуально-валерную систему целого сообщества.

Ключевые слова: художественный текст, тюремная проза, гротеск, психо-эмотивное пространство, амфиболия, нарушение правил, концептуально-валерная система, маргинальные обертоны.

N. Pelevina, K. Kurishko

EMPHATIZATION OF MARGINAL OVERTONS OF MEANING IN PSYCHOLOGICAL NARRATIVE

The article analyzes the basic techniques of emphasizing marginal overtones of the meaning hierarchy, which develop based on the peripheral components of the socio-cultural concept and value space within the framework of grotesque verbalization forms. The grotesque actualization is viewed as an effective tactic for psycho-emotive intellectual implementation of absurd value and normative space. The author proves the relevance for hermeneutic, socio-cultural, historical and noematic analysis through the process of identifying and describing the essential and phenomenological components of the value and orientation space in the representation of extremely reflexive texts of prison prose.

These processes are taken as specific schemes for marking controversial experiences that are different from the conventional, stereotyped, "rule-shaped" models that explicate the individual concept and value system. There is also an analysis of the views on the ways of marking the creative and the alternative in the virtual socio-cultural space in the grotesque forms of mental images explication in modern prison literature. The specifics of marginal ideas concerning experiences are ana-

lyzed depending on the features of the moral values pertaining to a particular sub-community. The author points at the internal ambivalence of personal representations, as well as their dependence on the complexity of socio-cultural and individual-subcultural relations. The article stresses the importance of exaggeration, hyperbolic explication of the categorical features of the described object, the phenomenon as an inevitable condition for proper implementation of the perlocutionary effect in case of a grotesque type of description.

In terms of representing the marginal component as a peripheral area within the linguistic-cultural concept and value system, aesthetic stereotyping of grotesque (somatic and sensory) forms of marking the author's mental constructs, hyperbolization techniques, parody, and allegory, trigger – within intended perception (active reading) – the development of special models of thinking in general, as well transform the concept and value community system.

Key words: fiction text, prison prose, grotesque, psycho-emotive space, amphibole, rules violation, concept and value system, marginal overtones.

В рамках общих трендов в искусстве к экспликации нереального и непостижимого, маргинального, активизации периферийных и

побочных компонентов в процессе создания креативного и альтернативного в виртуальном-

социо-культурном пространстве активизируется интерес ученых к гротескным формам вербализации ментальных образов. При этом необходимо учитывается тот факт, что актуализируемые компоненты общих ментальных образов зачастую разнятся у негомогенных социальных групп, представители которых, обладая целым сонмом коннотированных периферийных компонентов и характеристик, все же «приходят к общему знаменателю» и вырабатывают некий единый концепт-фрейм. Данный концепт-фрейм обладает имманентно приданной возможностью с ростом числа употреблений изменять общелингвокультурную концептуально-валерную систему. На сегодняшний день одним из наиболее продуктивных приемов описания фантазмагии потока сознания в описании концептуально-валерных систем субсообществ (тюремного, воровского и т.п.), т.е. «концептуальной интеграции ментальных пространств» [6, с. 94], стал гротеск и модификация рефлексивной реальности вопреки формально-логическим способам смыслопорождения, в нем наблюдается «интеллектуальная гибкость, искусная насмешка над традиционной и обыденно-скучной объективной реальностью, противоречие здравому смыслу» [2, с. 130]. Гротескные образы, вне зависимости от риторико-стилистической формы представления, наблюдаются как в художественной литературе, так и в псевдонаучных и философских трактатах с апокалиптическим вектором описания [7].

Целью настоящего исследования является анализ механизмов актуализации и эмфатизации периферийных областей концептуально-валерной системы субсообществ в психологическом повествовании тюремной прозы с целью выявления основных векторов влияния их на общелингвокультурное ценностно-ориентационное пространство.

В процессе анализа когнитивных механизмов актуализации и эмфатизации маргинальных эмотивных обертонов генерализованного смыслов предельно-рефлексивного психологического повествования нами применялся комплексный подход, базирующийся на использовании приемов дискурс-анализа, герменевтико-ноэматиического метода [4], концептуального анализа. В условиях априорной доказанности асимметричного взаимодействия психологических текстообразующих феноменов, эмпирико-ситуативного вертикального контекста, модально-интерпретативных компонентов авторской иллюзии и т.п. наиболее релевантным видится поэтапное распределение смысловой иерархии: 1) дефиниционный, 2) компонентный, 3) контекстуальный, 4) концептуальный, 5) этимологический, 6) диахронический, 7) дискурсивный анализ. Подобное ком-

плексное интегративное исследование способно отразить наиболее полную картину эмотивизации и актуализации периферийных обертонов при частотном употреблении в различных текстах художественной литературы и продемонстрировать условия вхождения их в ядерное пространство ценностей нормативного пласта лингвокультуры.

Актуализация гротескного описания зачастую наблюдается в постмодернистской литературе, использующей в качестве доминантного приема «отчуждение», с приматом проблематики абсурда, алогизма и смещением векторов сюжетного развития к трагикомическому. На приемах гротеска основываются многие жанры в современном литературном пространстве, это связано с именами таких писателей как К. Чапек, К. Воннегут, М. Булгаков, Дж. Джойс, Д. Хармс, Ф. Кафка, Э. Ионеско и многих других [1, с. 12]. Однако существует и реалистичный жанр психологической тюремной прозы, который соответствует принципам подобной организации текстового и художественного пространства. В процессе эволюционного и революционного развития языковых форм выражения ментального образа – от архетипического пронцаемого слова, в котором сливается план выражения и план содержания, к опосредованному вербальному символу, ассоциативной отсылке на имплицуруемый ментальный образ – рождается гротескное описание в психологическом реализме. За счет подобного способа вербализации периферийных нозем сенсальное и соматическое трансформируется в онтологическое, постулируется реальное существование неосознанных симулякров, в которых и приходится жить героям произведений тюремной прозы. Подобная реальность социокультурной памяти обладает не меньшей фактологичностью и истинностью, чем объективная реальность. Личностное пространство возводится в статус общелингвокультурной доминанты и не менее ценно, а зачастую и более значимо в конкретном коммуникативном контексте, чем осознанное другими. При подобном рассмотрении оппозиции «свой/чужой», «внутренний/внешний» нивелируются и возникает единое гомогенное пространство нерасчлененного восприятия. Психологическая ирония в данном случае (на основе метафорического или метонимического переноса) смещается в сферу нерелексивного аморфного отражения первоисточника в «кривом зеркале» измененного сознания.

Многими исследователями гротескность формулировок ассоциируется с трагическим или комическим компонентом с более подробной классификацией и вычленением под-форм бурлеска, или же мистико-террорной вербализации в рамках соматизации и сенсуализации

рефлексивных актов в процессе текстопорождения по формированию определенной прогностической стратегии восприятия в рамках имманентно приданной автором схемы действия [4]. Один из известнейших исследователей данной проблематики С. Е. Юрков подразделяет гротеск на трагический, комический и абсурдистский, в котором неузуальность и отказ от правилосообразного порождения смысла [3, с. 637] возводится в «принцип мирового устройства (постмодернизм)» [8]. Неправилосообразное порождение общего генерализованного смысла высказывания отнюдь не означает невозможности его по-мысливания «истинность и верифицируемость для нас представляют некие условные константы для определения правилосообразной деятельности по порождению и декодированию смыслового конструкта» [3, с. 635], а потому алогичное и неузуальное могут восприниматься уже как норма: «Если весь мир гротеск, то уже отпадает необходимость конструировать его искусственно» [10, с. 128]. Введение периферийных, неузуальных компонентов, актуализирующих соматические и сенсуальные элементы на уровне третьего уровня абстракции, создают особое художественное пространство, эксплицирующее маргинальные смыслы субсообществ и трансформирующие общелингвокультурную концептуально-валерную систему вводя в неё маргинальные компоненты.

Гротескная форма экспликации порождается максимальной раскрепощенностью и внутренней свободой, свойственной модернистской и постмодернистской поэтике на фоне внешней несвободы (контroversные отношения объективной и рефлексивной реальности), эта свобода от норм вербализации все же подчиняется неким универсальным законам концептуализации в процессе введения в активный тезаурус значимых понятий. Разрушение традиционных правил вербализации ментального рефлексивного пространства ведет ко вторичному пере-выражению и рождению амфиболии на основе новых и старых смыслов, – столкновения сферы возможностей и сферы желаний. И если авторская интенция и намеренное опредмечивание смысловых обертонов в амфиболическом выражении очевидна, то рефлексия реципиента не строится на осознанном внимании к форме высказывания, она имеет нозматический (интуитивный) характер и интерпретативные потенции базируются на степени овладения отдельными гранями социокультурной памяти. Аксиологическая же составляющая этих биконвергентных конструкций также достаточно нова и креативна, весь нарратив гротеска тюремной литературы представляется неким эпосом, новым мифотворчеством, а значит и в

своей вербализации избирает те же приемы и тактики, что и древний миф или неомиф [12].

Необходимым условием реализации гротескной формы описания является преувеличение, гиперболизированная экспликация категориальных характеристик описываемого объекта, иногда это факт приводит к ассоциациям с литературными направлениями фантастики и фэнтези [5]. Однако закрытость и виртуальная обособленность не экстраполируемая на реальный мир в фантастическом гротеске достаточно понятна, ведь её не приходится подвергать эмпирической верификации, при этом странность и неузуальность гротеска, отражающего актуальное положение вещей как это имеет место быть в тюремной прозе, имеет в качестве иллюкативных целей совсем другое. В этом случае гротескная эмфатизация призвана не удивлять и развлекать реципиента, хотя эстетическая и гедонистическая функции реализуются и здесь, но, прежде всего, привлечь внимание к острым социально-историческим феноменам (реализация фатической и апеллятивной функций), а также заставить читателя сопереживать и более глубоко исследовать затронутую проблему (интеллективная и эмотивная функции). Именно на этом уровне гротескного описания погруженного в форму реалистического повествования и реализуется одна из важнейших функций тюремной литературы, а именно – экспликация компонентов социокультурной памяти. Именно кризис традиционных способов вербализации, невозможность призвать реципиента к деятельностному участию ведет к появлению гротескных форм, избранию приемов демонстрации маргинальных форм мышления, ритуализации коммуникативного пространства, символичности и обрядовости формул общения, придания особого смысла каждой речевой единице в процессе создания текста как «опредмеченного и вербализованного содержания интенциональной субъективности» [3, с. 640].

Гротескное высказывание порождает невозможное в других формах «качество эстетического мышления» [8]. Аристотелевская эстетика и формальная логика оказываются бессильны в объяснении амбивалентной природы гротескной эмфатизации маргинальных компонентов ценностно-ориентационного пространства субсообществ, базу для формирования амфиболичности и двустороннего единства могут представлять более древние, не языкознаниевые, но речедейственные формы сознания и творчества. Происходные формирование нового типа культуры и кодифицированного выражения, которые уже соответствуют современному «клиповому» мирозерцанию, могут выразить «невыразимое» и описать прерыви-

стость мысли в особых «квантовых скачках» переоценки ценностей в концептуально-валерной системе новых лингвокультурных сообществ, сознание которых формируется в рамках вероятностного детерминизма, монизма или плюрализма, а также на основе постфилософского релятивизма. Этот процесс «нацелен на изменение читательской картины мира и разрушение общепринятой логики» [2, с. 131]. Картина мира изменяется не только в аспекте модификации алгоритмов восприятия и интерпретации текстового пространства, но и в плане переоценки норм и традиционных моделей поведения, принятых всеми членами лингвокультурного сообщества.

Теперь простые гиперболизированные формы гротескной выразительности и образности, которые рождались в ассоциативной связи когнитивных механизмов гротескного мышления с наивным, мифологическим сознанием, сменяются ремифологизирующими структурами интеллективного ассоциирования, порождающими амфиболичность и выдвигание дифференциальных признаков (новум, творимость) на первый план, прогнозирующая таким образом дальнейшее понимание реципиента из чего выводится единственная «внешне актуализированную грань смысла» [3, с. 634–635]. Синхронность и совокупность критериальных признаков, эксплицируемых в гротескном выражении, часто на основе оксюморона и порождают амфиболию языкового выражения в его целостности и связности, «продуцент пытается усмотреть и средства и метасредства в которых опредмечиваются внутренние понятия» [3, с. 634]. Само содержание может быть охарактеризовано как некое деконструктивистское моделирование на основе нестереотипных «симулякров» гиперреальности виртуального рефлексивного пространства, строящегося в хаосе и расиерархизации элементов его составляющих. Как описывает данный факт Ж. Делёз, эксплицитная форма представляет собой лишь внешний, кажущийся эффект, но истинная имплицитная сущность его заключается в постоянном перетекании, распаде традиционного распределенности и расхождении.

Маргинальные компоненты соматизации отдельных элементов концептосферы субсообщества может быть типизирована в рамках полевых отношений с центральным компонентом (абстрактным понятием) и, окружающим его сонмом актуализированных в тематико-релевантных лексемах. При этом необходимо подчеркнуть относительную контекстуальную детерминированность эмфатизации гротескной формы по причине модификации значения заложенной самим автором акцентуации.

Например: ...encrusted jaw was chewing bread for teeth... [11, p. 76].

Именно подобным образом, превращая бытовые реалии (соматизмы) в ближайшую к ядру область, психологизированный тюремный текст реализует базовый текстокогерентный концепт STARVATION вне конкретной связи с прямой номинацией (в исследуемых текстах лексемы, непосредственно номинирующие «голод» встречаются крайне редко, менее 10 раз: hunger drive, malnourishment и т.п.). Гиперболизации и абсурдизация высказывания в данном случае весьма далека от реального положения дел, что можно понять, обладая достаточными фоновыми знаниями о реалиях американской тюрьмы), но в представлении рефлексивной реальности заключенного, данный вид гротескного описания является наиболее адекватным.

Общеэстетические характеристики данного вида актуализации обертонов смысла состоят в сонме сюжетно-психологического и образно-речевого динамического отрицания объективной реальности, посредством чего у читателя формируется «когнитивное понимание авторских ходов и общей сюжетной линии» [3, с. 636]. Разделенность и понятность для представителей одной лингвокультуры в этом случае достигается благодаря возникновению двойственности разносистемных связей, и принципиальному переосмыслению причинно-следственных и хронотопических отношений в рефлексивном пространстве, осуществляющейся на разных уровнях текстовой систематики.

О. Петриашвили в своем фундаментальном труде «Гротеск в русской литературе 20 века» выявляет следующие признаки эффективности гротескного описания: 1) необходимость гротескного обличения объективно существующих в обществе порядков; 2) гротескное «развенчание» прошлых, традиционных и стереотипных ситуаций описания; 3) гротескная антиутопия; 4) языковая игра в различных её формах; 5) привлечение внимания реципиента в рамках представления события в необычной форме [9, с.10–11].

В данном отношении также множество пассажей, эксплицирующих несвойственный эмфатизируемый феномен в неузуальном контексте, подобные модификации обычно базируются на приемах конвергенции отдельных периферийных элементов общелингвокультурной сенсуализации. Это так называемые окказиональные, индивидуально-авторские, например: ...was looking at him with joy – encouraging descent from pie-hole to his ass... [11, p. 124].

В данном примере реалии американской тюремной жизни («опущенные», сексуальное насилие) вербализуются в едином высказывании, имеющем восторженно-торжественную тональность. Так первая часть was looking at him with joy дает читателю возможность подключить

к процессу интерпретации широкого горизонтального контекста определенную схему действия, основанную на прогнозировании актуализированных в лексеме joy обертонов «праздник», «удовольствие» и т.п., однако, вторая часть высказывания и, прежде всего, номинативная группа *descent from pie-hole to his ass* (с присутствующей в ней обценной лексикой) нивелирует ожидание. Эффект обманутого ожидания и гротескной синестезии ужаса и удовольствия подкрепляется интенциональной амфиболией в лексеме *descent* – 1) падение (моральное); 2) переход имущества по наследству, что эксплицирует в форме юридического термина акт «дарения» «опущенного» одним заключенным более высокого статуса другому, и одновременно демонстрирует моральное падение всех участников коммуникации в нормативном восприятии. Однако данное действие в измененной концептуально-валерной системе тюремного субсообщества не представляется чем-то противоречащим адекватному ситуации поведением.

Следует подчеркнуть, что при всем внимании и особой значимости в идейных ядерных нозмах комплекса «индивидуальность» наличие адекватной интерпретации того или иного действия и его вербального оформления невозможно без разделения некоторой группой периферийных маргинальных компонентов ценностно-ориентационного пространства. Любое выражение не может быть сколько-либо адекватно понято вне контекста его осмысления и учета факторов о-сознания и о-предмечивания. Как же возможно восприятие, причем практически всегда интуитивное (по А. Бергсону), неких онтологических и коммуникативных фактов вне наличия реципиента внутри данного сообщества? Логичным будет предположение о всеобъемлющей роли социокультурной памяти, не формирующейся в рамках логики «чистой субъективности», но транслирующей свое влияние, даже концептуализированных периферийных элементов, на всю лингвокультуру.

Достаточно действенным в аспекте создания определенного типа восприятия психологизированного маргинального повествования представляются описанные приемы элиминации архетипических оппозиций «свое/чужое», «духовное/телесное», стирание границ между абстрактностью и конкретностью. Подобные

типы вербализации были весьма характерны для ритуализированного недискретного мышления в период становления человека как *homo sapiens* и *homo loquens*. Именно ремифологизация в процессе использования гротеска в нивелировании стереотипных, традиционных компонентов концептуально-валерной системы выстраивает маргинальные смыслы, маркируемые соматизмами и сенсуализмами в амфиболическом представлении, меняют аксиологическое пространство культуры.

При намеренной экспликации маргинальных периферийных компонентов специфического концептуально-валерного пространства происходит комплексная трансформация ядерных и актуализация индивидуально-авторских обертонов смысловой иерархии наряду с эстетической стереотипизацией гротескных (соматических и сенсуальных) форм маркирования окказиональных ментальных конструкторов. В данном процессе решающую роль играют приемы гиперболизации, пародии, иносказания, которые при активном прочтении (рефлексивном акте распредмечивания смысла) активизируют специфическое аперцептивное восприятие не только локутивных, но и иллюкутивных актов.

Таким образом, в психологических текстах тюремной прозы, представляющих одно из направлений реализма, но никак не постмодернизма происходит эстетическая типизация гротескного представления маргинальных компонентов ментального пространства в гиперболизированной, пародийной, иносказательной прогностике, активизируется процесс формирования новой лингвокреативной модели мышления в целом. Данные процессы оказывают широкое влияние на изменение концептуально-валерной системы целого лингвокультурного сообщества, привнося дополнительные, часто противоположные нормированному восприятию прототипической оппозиции «плохое/хорошее», смыслы. Обсуждение и оценка в терминах правильности/неправильности того или иного действия в данном случае нивелируется и на передний план выходит личностная оценка события, в адресатном фокусе оказывается сама вербальная форма представления приобретающая статус абсолютной психо-эмоциональной ценности.

Литература

1. Базилевский А. Б. Творчество Станислава Игнация Виткевича и польская литература гротеска: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.05. М., 2000. 387 с.
2. Бредихин С. Н. Игровой абсурд: трансляционная специфика сохранения перлокутивного эффекта // Вторые Щеулинские чтения: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Василия Васильевича Щеулина (Липецк, 30 марта 2018 г.). Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. С.130-134.
3. Бредихин С. Н. Общие принципы текстопостроения как объекта распредмечивания смысла // Когнитивные исследования языка. 2015. №20. С.634-640.

4. Бредихин С. Н. Схемопостроение в рамках метаединиц герменевтического процесса понимания и интерпретации // Современные проблемы науки и образования. 2014. №4. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=13920> (Дата обращения: 18.12.2019)
5. Бредихин С. Н., Леонов А. А. Трансформации структуры концепта в процессе локализации компьютерных игр с элементами жанра фэнтези // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. №1. С.70-76.
6. Бредихин С. Н., Махова И. Н. Комплексная когнитивно-перцептивная модель в анализе юмористических оборотов смысловых иерархий // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. №3 (31). С.94-103.
7. Добряшкіна А. В. Гротеск в творчестве Г. Грасса: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 160 с.
8. Невярович Н. Гротеск и ритуальный смех в рецепции современной прозы. URL: <http://www.philosophy.ua/lib/31nevarovuch-doxa-13-2008.pdf> (Дата обращения: 18.12.2019)
9. Петриашвили О. М. Гротеск в русской литературе 20 в.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тбилиси, 2005. 30 с.
10. Юрков С. Е. Гротеск как выражение хаоса в культуре // Международные чтения по теории, истории и философии. Вып. 3: «Размышления о хаосе». СПб.: ЭЙДОС, 1997. 268 с.
11. Burns R. E. I Am a Fugitive from a Georgia Chain Gang! Athens: University of Georgia Press, 1997. 253 p.
12. Duff A. R., Garland D. A. Reader on Punishment. Oxford: Oxford University Press, 1994. 360 p.

References

1. Bazilevskiy A. B. Tvorchestvo Stanislava Ignatsiya Vitkevicha i pol'skaya literatura groteska: dis. ... d-ra filol. nauk (*Works of Stanislav Ignatsiy Vitkevich and Polish literature of Grotesque: Dr. habil. thesis*). Moscow, 2000. 387 p. (In Russian).
2. Bredikhin S. N. Igrovoy absurd: translyatsionnaya spetsifika sokhraneniya perlokutivnogo effekta (*Ludic absurd: translation specific of perlocutive effect retention*) // Vtorye Shcheulinskie chteniya: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (Lipetsk, 30 marta 2018 g.) (*The second Shcheulin readings: proceedings of the National scientific conference*). Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tian-Shanskii, 2018. P.130-134. (In Russian).
3. Bredikhin S. N. Obshchie printsipy tekstopostroyeniya kak ob"ekta raspredmechvaniya smysla (*General principles of text derivation as sense desubjectivation object*) // Kognitivnye issledovaniya yazyka (*Cognitive studies of language*). 2015. No. 20. P.634-640. (In Russian).
4. Bredikhin S. N. Skhemopostroyeniye v ramkakh metaedinit germenevticheskogo protsesssa ponimaniya i interpretatsii (*Scheme derivation within metaunits of hermeneutic processes of understanding and interpretation*) // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya (*Modern problems of science and education*). 2014. No. 4. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=13920> (Accessed: 18.12.2019) (In Russian).
5. Bredikhin S. N., Leonov A. A. Transformatsii struktury kontsepta v protsesse lokalizatsii komp'yuternykh igr s elementami zhanra fentezi (*Concept structure transformations in localization of computer games with fantasy genre elements*) // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki (*Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*). 2019. No. 1. P.70-76. (In Russian).
6. Bredikhin S. N., Makhova I. N. Kompleksnaya kognitivno-pertseptivnaya model' v analize yumoristicheskikh obertonov smyslovoy ierarkhii (*Complex cognitive-perceptive model in analysis of humorous intonation within hierarchy of meaning*) // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki (*Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*). 2018. No. 3 (31). P.94-103. (In Russian).
7. Dobryashkina A. V. Grotesk v tvorchestve G. Grassa (*Grotesque in G. Grass' works: PhD. thesis*): dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, 2005. 160 p. (In Russian).
8. Nevyarovich N. Grotesk i ritual'nyy smekh v retseptsii sovremennoy prozy (*Grotesque and ritual laughter in modern prose reception*). URL: <http://www.philosophy.ua/lib/31nevarovuch-doxa-13-2008.pdf> (Accessed: 18.12.2019) (In Russian).
9. Petriashvili O. M. Grotesk v russkoy literature 20 v.: avtoref. dis. ... d-ra filol nauk (*Grotesque in Russian literature of 20th century: authored summary of Dr. habil. thesis*). Tbilisi, 2005. 30 p. (In Russian).
10. Yurkov S. E. Grotesk kak vyrazhenie khaosa v kulture (*Grotesque as the chaos explication in culture*) // Mezhdunarodnye chteniya po teorii, istorii i filosofii (*International conference on theory, history and philosophy*). Issue 3: «Razmyshleniya o khaose». St. Petersburg: EYDOS, 1997. 268 p. (In Russian).
11. Burns R. E. I Am a Fugitive from a Georgia Chain Gang! Athens: University of Georgia Press, 1997. 253 p.
12. Duff A. R., Garland D. A. Reader on Punishment. Oxford: Oxford University Press, 1994. 360 p.

Информация об авторах

Пелевина Наталия Александровна – преподаватель кафедры иностранных языков и методики их преподавания Армавирского государственного педагогического университета (Армавир) / npelevina14@gmail.com

Куришко Кристина Викторовна – магистрант кафедры романо-германской филологии и лингводидактики гуманитарного институт Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / miss.kurishko@mail.ru

Information about the authors

Pelevina Nataliia – teaching assistant, Chair of Foreign Languages and Teaching Methodology, Armavir State Pedagogic University (Armavir) / npelevina14@gmail.com

Kurishko Kristina – MA student, Chair of Romance and Germanic philology and linguodidactics, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / miss.kurishko@mail.ru